

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

шество» в исламе (в том числе в центральноазиатском регионе) не нова. Одни «реформаторы» выступали за «очищение» ислама, другие (как, например, центральноазиатские джадидисты) — за его «модернизацию», приспособление к новым условиям научно-технического прогресса. В этом отношении реформаторские усилия узбекистанских и таджикистанских М. (во главе с Абдулло Нури) не оригинальны.

«Традиционалисты» (в частности, знаменитый теолог Мухаммаджан Хиндустани) крайне отрицательно относились не только к догматическим и ритуальным нововведениям М., но и к их политическим притязаниям, видя в них влияние зарубежных «ваххабитов». И хотя сами «традиционалисты» (особенно в Андижане и Коканде) расходились между собой в своем отношении к религиозной политике государства, большая часть их (в том числе и *домла* Хиндустани) единодушно осуждали «ваххабитов».

Мухаммаджан Хиндустани неоднократно пытался остановить начавшийся раскол среди своих учеников, однако после его смерти (1989 г.) конфликт разгорелся с новой силой и стороны буквально утонули в бесплодных догматических спорах. Вторую попытку к примирению (*сулх*) предпринял бывший *муфтий* Мухаммад Садик Мухаммад Йусуф (1989–1993). Однако состоявшийся в Духовном управлении диспут (май 1990 г.) «ваххабитов» и ханафитов привел лишь к обострению отношений. Споры и столкновения (вплоть до физической расправы) стали довольно обычным явлением для Ферганы того времени.

Сохранившийся после распада СССР светский характер государств региона побудил руководителей М. активизировать политическую деятельность и пропаганду своих идей. Это осложнило отношение М. с правительствами республик региона, которые, не имея опыта работы с представителями религиозных течений, прибегали и прибегают к крайностям — от осторожного заигрывания (Кыргызстан) до прямого давления (Узбекистан).

К концу 80-х — началу 90-х гг. появилось множество новых исламских группировок и движений, отличных от М., в Фергане, Ташкенте, других областях Узбекистана и в соседних республиках. Одни из них — явно «импортированные» (в частности, партия Хизб ат-тахрир а-лислами), другие возникли на местной почве (Акромийлар, Узун саколлар и т.д.). В отличие от М., не раз заявлявших о своей приверженности ханафитскому *мазхабу*, руководители новых группировок уже открыто отошли от ханафитского толка. Усиливающееся по отношению к ним давление со стороны государства и конформистского крыла ханафитов стимулирует их религиозный фанатизм и политический экстремизм в попытке самосохранения.

Лит-ра: *Abdulkhatorov A. Islamic Revivalism in Uzbekistan. Russia's Muslim Frontiers*. Ed. by D.F.Eickelman. Indiana University Press, 1993, 79–100; *он же. An Independent Uzbekistan: A Muslim Community in Development // The Politics of Religion in Russia and the New States of Eurasia*. Ed.

M.Bordeaux. N. Y., 1995, 293–305; *Баббаджанов, Камиллов*. Хиндустани (в печ.).

Б. Б., М. Кам.

Мусульманский чекан Средней Азии. В первые десятилетия существования Халифата на землях, отвоеванных арабами у Византии, монеты чеканились по византийским образцам, на территории Ирана — по сасанидским; те и другие несли соответствующие изображения и короткие арабские надписи благочестивого характера (*басмала*, *шахада* и т.д.). Точно так же и в Средней Азии в первое время после арабского завоевания монеты выпускались по местным образцам — по типу сасанидских, хорезмшахских, бухархудатских *драхм*, медных монет с изображением верблюда, коня и т.д. С конца VII в. в Мерве, во второй половине VIII в. в Мавараннахре была налажена чеканка строго мусульманских монет. Начало собственно М. ч. было положено реформой омейядского халифа 'Абд ал-Малика (685–705), проведенной в самом конце VII в. В отличие от прежних эмиссий пореформенные монеты — моноэпиграфические, они несут только арабские легенды, выполненные кувфическим письмом. В поле, т.е. в центре лицевой стороны (аверса), помещено кораническое изречение «Нет божества, кроме Аллаха единого, нет ему сотоварища», по кругу проходит надпись с выпускными сведениями, включающая указание на место и год чеканки (по лунной *хиджре*) и наименование монеты — *динар* (золотая), *дирхам* (серебряная), *фалс* (медная). Поле оборотной стороны (реверса) *динаров* и *дирхамов* занято коранической цитатой (*сура* 112: «Аллах един, Аллах вечен, не родил и не был рожден, и не был ему равным ни один»), круговая легенда включает вторую выдержку из Корана (*сура* 9:33 или *сура* 61:9): «Мухаммад — посланник Аллаха, который послал его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники».

Таким образом, в монетных текстах (тиражированных десятки миллионов раз) нашли достаточно развернутое выражение два основных догмата ислама — исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада. Сакральны все монетные тексты, помещенные на *динарах* и *дирхамах*, включая даже легенду с выпускными сведениями, которая открывается формулой «Во имя Аллаха чекан этот...»; несколько иначе с надписями на *фалсах* — они демонстрируют очень большое разнообразие. К концу омейядского периода (661–750) сложился формуляр, который стал базовым для последующих веков: аверс — как у *динаров* и *дирхамов*, в поле реверса — вторая часть *шахады* («Мухаммад — посланник Аллаха»), вокруг — упоминание правителя (правителей). С приходом к власти Аббасидов (750–1258) стал меняться формуляр *динаров* и *дирхамов*, окончательно сложившийся в первой половине IX в. Аверс получил вторую (внешнюю) круговую легенду: «Аллаху принадлежит власть и раньше, и позже,

а в тот день возрадуются верующие помощи от Аллаха» (30: 3/4–4/5), в поле реверса вместо коранической цитаты стали помещать надпись, включающую сочетание *ли-Ллах* (очевидно, это усеченное выражение *ал-мулк ли-Ллах*, т.е. «власть принадлежит Аллаху»), вторую часть *шахады* и имя *халифа* (не имя, полученное при рождении, а теофорное, принятое при восшествии на престол или данное предшественником; оно выражает связь с Богом, отношение к нему и обязательно включает компонент «Аллах», например *ал-Мутаваккил 'ала-Ллах* — «уповающий на Аллаха»).

На базе аббасидского монетного формуляра развивался весь последующий домонгольский монетный формуляр конца IX — начала XIII в. (чекан Саманидов, Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Ануштегинидов). При Саманидах (конец IX — X в.) на *динарах* и *дирхамах* после имени *халифа* стали регулярно помещать упоминание саманидского *амира*. Уже в начале XI в. на караханидских *дирхамах* исчезла аверсная кораническая цитата, а на газневидских *динарах* и *дирхамах* имя *халифа* переместилось с реверса на аверс; последнюю особенность унаследовали монеты Сельджукидов. К середине XII в. у Сельджукидов и Караханидов сложился новый формуляр *динаров* и *дирхамов*: на аверсе обе части *шахады*, имя *халифа*, выпускные сведения, на реверсе поле целиком занято упоминанием правителя, круговая легенда включает кораническую цитату или продолжение упоминания эмитента либо еще раз выпускные сведения. Эта схема характерна и для монет Ануштегинидов (вторая половина XI — начало XIII в.). Еще сильнее трансформировался формуляр *фалсов*, чеканившихся почти исключительно Караханидами; к началу XIII в. на большинстве их остались только имя государя и выпускные сведения.

В постсаманидское время заметно обогатился репертуар монетных надписей, прежде всего за счет титулатуры, включавшей, в частности, большое число почетных прозваний (араб. *лакаб*). Особенно многочисленны и разнообразны караханидские *лакабы*. Самыми распространенными были *лакабы* с компонентом *ад-даула*, например *Кутб ад-даула* («полус державы») — имеется в виду мусульманская держава, главой которой продолжал оставаться аббасидский *халиф*). Пиетет *халифу* выражался и в таких *лакабах*, как *Сайф халифат Аллаха* («меч наместника Аллаха»), *Сафи амир ал-му'минин* («избранник повелителя верующих»). Засвидетельствованы также *лакабы* *Зайн ад-дин* («украшение веры»), *Насир ал-хакк ва-д-дин* («защитник истины и веры»), *Шамс ал-милла* («солнце религии»), *Изз ал-умма* («слава общины»), *Шараф ал-ислам* («гордость ислама»), *Кахф ал-муслимин* («прибежище мусульман»), *Захир ад-да'ва* («опора призыва к вере») и т.д. Со второй половины XI в. Сельджукиды, а позднее Караханиды (992–1211) и Ануштегиниды (1077–1231) использовали только *лакабы* типа '*Ала' ад-дунья ва-д-дин* («величие мира и веры»).

Арабское письмо как «священный символ ислама» оставалось господствующим и в караха-

нидском чекане, но на некоторых монетах конца X — конца XI в. помещались короткие (в одной-три слова) надписи уйгурским письмом. Если при Саманидах моноэпиграфический канон соблюдался абсолютно, то ряд караханидских и в меньшей степени сельджукидских монет несут различные изображения — чаще оружия, иногда живых существ. В караханидском чекане почти все зооморфные сюжеты помещены на *фалсах* — Караханиды шли на нарушение установок ислама при выпуске монет, рассчитанных на внутреннее употребление.

Особую категорию монет составляли так называемые черные *дирхамы* (иначе бухархудатидные), ходившие только в Мавараннахре. Они выпускались по образцу доисламских *драхм* правителей Бухары, *бухар-худатов*, и несли на одной стороне изображение алтаря огня со стражами по бокам, на другой — бюст царя; от домусульманских прототипов они отличались большей схематичностью и короткой (обычно в одно слово) арабской надписью. Несмотря на наличие домусульманских по происхождению изображений, в том числе прямо связанных с зороастризмом (!), такие монеты продолжали чеканить и пускать в обращение до второй половины XII или начала XIII в. Хотя их выпуск и обращение были санкционированы мусульманским государством (сначала *халифами*, потом саманидскими и караханидскими правителями), а сами «черные *дирхамы*» фигурируют в сочинениях по *фикху* как законное платежное средство, некоторые потребители «аннулировали» помещенные на них изображения, перечеркивая бюст царя, «отсекая» ему голову или процарапывая слово *ла* («нет»).

В результате монгольского завоевания (1219–1221) Средняя Азия после многовекового господства ислама оказалась под властью немусульманских государей, что отразилось и в монетном чекане, демонстрирующем большой разнородности. Одни эмиссии следовали домонгольским традициям, другие отошли от них очень далеко. Так, на ряде самаркандских *дирхамов* XIII в. представлены только выпускные сведения и ираноязычные или тюркоязычные легенды типа «Кто в Самарканде и округе этого города не будет брать эту монету, тот преступник». Связь с исламом проявляется в таком чекане только в использовании арабского письма. В некоторых серебряных эмиссиях Тараза конца XIII в., вообще без надписей (!), утрачена и эта связь. Новый, более или менее единый монетный формуляр сложился в первой половине XIV в. после того, как приняли ислам правители всех трех монгольских государств (Джучидов, Чагатаидов, Хулагуидов), включивших после распада единой империи среднеазиатские земли. На аверсе серебряных монет помещались *шахада* и имена четырех «праведных» *халифов* (Абу Бакра, 'Умара, 'Усмана, 'Али), на реверсе — упоминание государя с благопожеланием; выпускные сведения, давно уже утратившие *басмалу*, не имели стабильной позиции; на джучидских монетах они часто замещают *шахаду*.

В золотом и серебряном чекане Тимуридов, Шибанидов, Аштарханидов эта схема дожила

до XVIII в., изменения прослеживаются прежде всего в особенностях упоминания эмитентов. Если в чекане Тимура и его внука Улугбека заметны следы тюрко-монгольских кочевых традиций, то другой внук Тимура, султан Халил, именуется на монетах «[Тот, который] вверяет [себя] Всеславному Судии» (т.е. Аллаху). Благопожелание, краткое в XIV — начале XV в. («Да продлит Аллах его царствие!»), к концу XV в. стало более развернутым («Да продлит Аллах Всевышний его царствие и власть!»), а у Шахруха, сына Тимура, приобретает вид «Да продлит Аллах его царствие и халифат!» — так отразились на монетах претензии этого благочестивого государя на главенство не только в светской, но и религиозной сфере. Шайбани-хан, выступавший ревностным защитником суннитского «правоверия», титуловался на серебряных монетах *Имам аз-заман ва-халифат ар-Рахман* («Имам [своей] эпохи и наместник Всемилистивого [Аллаха]»), чем подчеркивал теократический характер своей власти. Почти все прочие Шибаниды помещали на монетах «почетную кунью» *Абу-л-гази* или титул *гази*, т.е. аттестовали себя как воителей за веру, так как неоднократно совершали походы и набеги на владения иранской династии Сафавидов, исповедовавших ши'изм, приравненный суннитскими законодателями Мавераннахра к «неверию». Медный чекан XIV—XVIII вв. был преимущественно анонимным, монетные тексты обычно исчерпываются выпускными сведениями. Только на медных монетах встречаются изображения живых существ.

В конце XVIII — XIX в. почти все среднеазиатские земли, кроме Южной Туркмении, входили в состав трех ханств — Бухарского (династия Мангытов), Кокандского (династия Мингов), Хивинского (династия Кунгратов). Для золотых и серебряных монет всех трех династий характерен единый формуляр: на одной стороне — упоминание правителя, на другой — название монетного двора. Из бухарских *амиров* только двое проставляли на монетах свое имя, а один также титул *амир ал-му'минин*. В большинстве случаев золотой и серебряный чекан Мангытов осуществлялся в честь усопших государей — Хайдара (1800–1826) и *Шах-Мурада* (1826), названного на монетах *ма'сум гази* («безгрешный воитель за веру»; обычная формула: «Да будет милосердие [Аллаха] над безгрешным воителем за веру»). На всех мангытских монетах, включая медные, Бухара названа «благородной» (*шариф*); этот эпитет город получил потому, что издревле являлся оплотом «правоверия», при Мангытах Бухара — крупнейший религиозный центр Средней Азии. В отличие от бухарских все золотые и серебряные монеты Коканда и большинство хивинских чеканились от имени здравствующего правителя. На некоторых из них выбиты стихотворные легенды на таджикском языке, причем на хивинских подчеркнута, что чекан осуществляется Божьей милостью (пример: «Чеканил на золоте *сайид* Мухаммад-хан [благодаря] дарующему милости Богу»). Один из кокандских *ханов* изредка прибегал к титулам *амир ал-муслимин* и

даже *имам ал-муслимин*. У Кунгратов название монетного двора сопровождается эпитетами, аттестующими Хорезм как оплот мусульманского «правоверия»: *дар ал-му'минин* («обитель верующих»), *дар ал-ислам*, *кутб ал-ислам* («полноц ислама»), *куббат ал-ислам* («купол ислама»), *ма'дин ал-ислам* («рудник ислама»), *ма'дин ал-'улама'* («рудник ученых»), *ма'дин ал-фудала'* («рудник достойных»). Надписи большинства медных монет конца XVIII — начала XX в. ограничены выпускными сведениями, изображения живых существ на них полностью отсутствуют.

Таким образом, к концу своего существования М. ч. Средней Азии вернулся к тому, с чего начинал — к моноэпиграфичности. Однако разница между самыми ранними и самыми поздними среднеазиатскими мусульманскими монетами огромна. В конце VII — VIII в., когда исламизация Средней Азии только начиналась, монеты были максимально сакрализованы, на них помещались коранические изречения, *шахада*, *басмала*, вовсе отсутствующие в чекане XIX — начала XX в., когда ислам занимал господствующие позиции во всех сферах жизни. М. ч. Средней Азии прошел длительный путь развития, утратив на этом пути все, с чего начинал, кроме арабской графики и выпускных сведений. Впрочем, принципиально такой же, хотя и с некоторыми вариациями, была эволюция монетного чекана на большинстве территорий, входивших в состав Халифата.

Лит-ра: В.Г.Тизенгаузен. О саманидских монетах // Тр. ВОИРАО. Ч. I. СПб., 1855, 1–238; *он же*. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873; М.Е.Массон. Исторический этюд по нумизматике Джугатаидов // Тр. САГУ. Нов. сер. Вып. CXI. Таш., 1957, 41–108; Е.А.Давидович. История монетного дела в Средней Азии XVII–XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душ., 1964; Г.А.Федоров-Давыдов. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. V. М., 1965, 179–224; Р.З.Бурнашева. Монеты Бухарского ханства при Мангытах (середина XVIII — начало XX в.) // ЭВ. XVIII. Л., 1967, 113–128; XXI. Л., 1972, 67–80; М.А.Сейфеддини. Монеты ильханов XIV века. Баку, 1968; Е.А.Давидович. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М., 1972; С.Х.Ишанханов. Каталог монет Коканда XVIII–XIX вв. Таш., 1976; Ходжаниязов. Каталог монет государства Великих Сельджуков. Аш., 1979; Е.А.Давидович. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983; М.Б.Северова. Коллекция монетных штампов Хивинского ханства из Государственного Эрмитажа // ЭВ. XXIV. Л., 1988, 94–114; Е.А.Давидович. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. М., 1992; Б.Д.Кочнев. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореф. докт. дис. М., 1993; *он же*. Монетное дело в государстве Амира Темура и Темуридов // ОНУз. 1996; № 7–10, 75–82; А.Х.Атаходжаев. Центральноазиатские медные монеты VIII–X вв. как исторический источник. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1998; В.Д.Кочнев. The last period of Muslim coin minting in Central Asia (18th–early 20th century) // MC. Bd. 1, 431–444.

Б. К.